

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

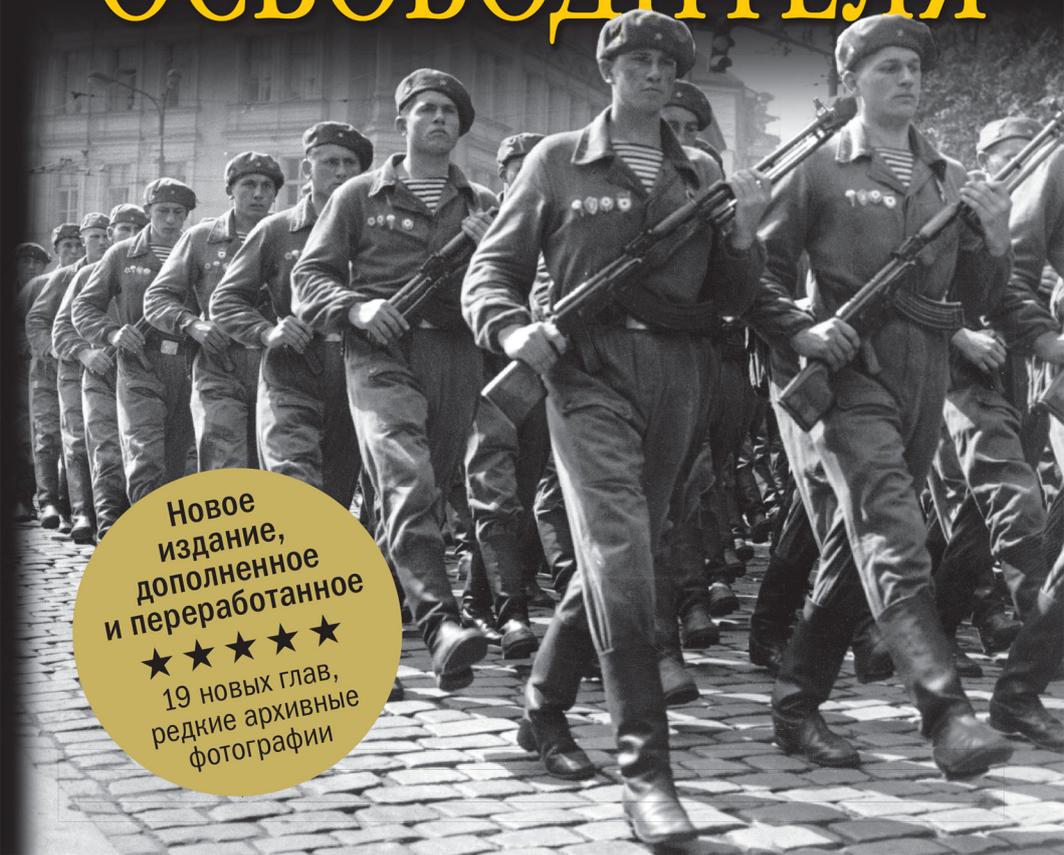
ВИКТОР СУВОРОВ

РАССКАЗЫ ОСВОБОДИТЕЛЯ

Новое
издание,
дополненное
и переработанное

19 новых глав,
редкие архивные
фотографии

1968 год. Вторжение в Чехословакию глазами советского офицера.

Стратегия и тактика Советской Армии: «теория топора», принцип концентрации и другие интересные особенности.

Оружие Советской Армии: принципы создания и боевого применения.

Самая сильная армия мира или колосс на глиняных ногах: так какой же была Советская Армия на самом деле?

«Рассказы освободителя» — самая первая книга Виктора Суворова, вышедшая в свет в 1981 году на английском языке под названием «The Liberators» («Освободители»). Она стала настоящей сенсацией: никто и никогда прежде не писал о повседневной жизни Советской Армии так откровенно и ярко. За 35 лет книга выдержала более ста изданий на двадцати трех языках.

Новое, дополненное и переработанное издание книги, ранее публиковавшейся на русском языке под названием «Освободитель», содержит **19 новых глав и 50 фотографий** из российских и зарубежных архивов, в том числе уникальные фотодокументы из архива автора, публикующиеся в России впервые.

“ **«Рассказы освободителя» — о том, как был я курсантом, как сидел на гауптвахте, как чистил генеральские сортиры, как стал офицером, как освобождал братскую страну, которая норвила с верного пути свернуть.** ”

Виктор Суворов

На лицевой стороне обложки →

Советские десантники маршем проходят по центру Праги 10 сентября 1968 года, в период оккупации Чехословакии советскими войсками (Getty Images).

ISBN 978-5-98124-682-1

16+

Внимание, возрастные ограничения!

ВИКТОР
СУВОРОВ
РАССКАЗЫ
ОСВОБОДИТЕЛЯ

*Редкой подлинности картина жизни и быта
советской военистки.*

Издательство YMCA-Press

*Суворов рожден писателем, он напишет много
хороших книг, сегодня он представляет нам
свой первый шедевр.*

Газета Times о первом издании книги Виктора Суворова
«Освободители»* (Великобритания, 1981 г.)

*Придет время, и манеру Суворова
будут копировать, ему будут подражать.
Эта перспектива не должна его смущать —
он неподражаем.*

Виктор Некрасов (Париж, 1982 г.)

*Мы имели счастье много лет наблюдать
Советскую Армию с близкого расстояния,
мы многое о ней знали, о многом догадывались.
Книга Суворова «Освободители», казалось бы,
не открывает ничего нового.
И все-таки — как интересно!*

Gazeta Wyborcza (Польша)

* Эта книга впервые вышла в свет на английском языке под названием «The Liberators»; такое название сохранилось в большинстве зарубежных изданий книги. — *Прим. ред.*

Он [Виктор Суворов — Прим. ред.] обрисовал Советскую Армию скупыми мазками мастера.

Газета «Rzeczpospolita» (Польша)

Преподаватели побаивались его [Виктора Суворова — Прим. ред.] каверзных вопросов...

Лично я, читая книгу «Освободитель», был поражен, с какой точностью автор изобразил киевскую гарнизонную гауптвахту. Не скрою, самому мне пришлось там отсидеть в общей сложности пятьдесят с лишним суток.*

Полковник Валерий Симонов, бывший начальник разведки 8-й гвардейской армии, однокашник Виктора Суворова по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу
(Газета «Московская правда». 31 июля 1994 г.)

Никто прежде не говорил о Советской Армии с такой откровенностью, отвергая любую цензуру, внешнюю и внутреннюю.

Виктория Шохина

* Под таким названием вышло первое издание книги в России. — Прим. ред.

★★★★★

КНИГИ ВИКТОРА СУВОРОВА

Рассказы освободителя

Аквариум

Ледокол

День М

Тень Победы

Беру свои слова обратно

Самоубийство

Очищение

трилогия «Последняя республика»

Последняя республика

Святое дело

Разгром

трилогия «Хроника Великого десятилетия»

Против всех

Облом

Кузькина мать

повести и романы

Змеед

Контроль

Выбор

опубликованы на английском языке

Inside the Soviet Army

Soviet Military Intelligence

Spetsnaz

The Chief Culprit

киносценарии

Контроль

ВИКТОР СУВОРОВ РАССКАЗЫ ОСВОБОДИТЕЛЯ

Новое издание,
дополненное
и переработанное

Эта книга впервые вышла в свет в 1981 году
на английском языке под названием
«The Liberators» («Освободители»)
и выдержала более ста изданий
на двадцати трех языках.

В России первое издание книги публиковалось
под названием «Освободитель».

ДОБРАЯ КНИГА

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)62
С89

Суворов, Виктор.

Рассказы освободителя / Виктор Суворов. — М.: ООО
«Издательство «Добрая книга», 2016. — 376 с., 32 отд. л. ил.

ISBN 978-5-98124-682-1

«Рассказы освободителя» — самая первая книга Виктора Суворова, вышедшая в свет в 1981 году на английском языке под названием «The Liberators» («Освободители»). Эта книга стала настоящей сенсацией: никто и никогда прежде не писал о повседневной жизни Советской Армии так откровенно и ярко. За 35 лет книга выдержала более ста изданий на двадцати трех языках.

Новое, дополненное и переработанное издание книги, ранее публиковавшейся на русском языке под названием «Освободитель», выходит в свет под оригинальным авторским названием «Рассказы освободителя» и содержит 19 новых глав и 50 фотографий из российских и зарубежных архивов, в том числе уникальные фотодокументы из архива автора, публикующиеся в России впервые.

«Рассказы освободителя» — о том, как был я курсантом, как сидел на гауптвахте, как чистил генеральские сортиры, как стал офицером, как освобождал братскую страну, которая норвила с верного пути свернуть.» (Виктор Суворов)

Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650 44 41.

Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Виктор Суворов, 1978–2015.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2015 —
издание на русском языке, оформление.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию на русском языке 11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Губа 21

Контрольно-пропускной пункт Киевского высшего
общевоинского командного дважды Краснознамённого
училища имени Фрунзе. 25 марта 1966 года.

Возвращение из коммунизма 37

Киевская гарнизонная гауптвахта. 29 марта 1966 года.

Риск 55

Киевская гарнизонная гауптвахта. 31 марта 1966 года.

Всегда готовы! 63

Киев. 1967 год.

Операция «Днепр» 71

Украина. Лето 1967 года.

Операция «Мост» 85

Киевский военный округ. 1967 год.

Подготовка 99

Август 1968 года.

Освободители 111

У последнего рубежа	121
Западная Украина. Август 1968 года.	
Белые полосы	126
Район города Ужгород. Последняя остановка у государственной границы.	
Вступление.	130
Банкир	134
30-й гвардейский отдельный разведывательный батальон 6-й гвардейской Львовской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова мотострелковой дивизии 20-й гвардейской армии. Центр Праги. Август 1968 года.	
Контрреволюция	154
30 отдельный гвардейский разведывательный батальон 6-й гвардейской мотострелковой дивизии. Первые дни сентября 1968 года.	
«Полёт»	158
Район города Кошице. Начало сентября 1968 года.	
Проводы освободителей	163
Сентябрь 1968 года.	
Земля родная.	167
Район города Мукачево. 12 октября 1968 года.	
Заключение	171
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Почему нас не отправили освобождать Румынию	175
Зачем были придуманы учебные дивизии	185
Основы педагогики	201
Прикарпатский военный округ. Третий день моей службы в должности командира учебного взвода.	
Умелец.	204
66-я гвардейская учебная мотострелковая дивизия Прикарпатского военного округа. 1969 год.	

Путь офицера	212
День Приказа.	226
Закат	235
Полный мрак.	250
Финал	258

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

Советская Армия снаружи и изнутри

Рассказы и очерки

Теория топора.	271
Об инициативе в стратегии и тактике	284
Новый освободительный поход в Западную Европу. Стратегическое наступление в планах советских военачальников	301
Как обеспечить снабжение огромных масс войск в ходе стратегической наступательной операции.	310
Какое оружие нам нужно	316
Любимое оружие советских командиров	327
Откажемся ли мы когда-нибудь от танков?	337
Самое важное оружие	341
Зачем создавались штурмовые орудия	346
Почему большинство советских противотанковых орудий не были самоходными	354
Почему в Советском Союзе не придерживались стандартных калибров при разработке оружия	358
О крокодилах. Так какой же была Советская Армия на самом деле? ...	365

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Ленин был врагом. Не простым врагом, но подлым, коварным, глубоко законспирированным вражиной. Обратим внимание на ленинское окружение, на тех проходимцев, с кем будущий вождь мирового пролетариата пил пиво в женевских кабаках и лондонских пабах, с кем дружбу водил, с кем в шалашах ошивался, с кем совершил государственный переворот и захватил власть.

В октябре 1918 года, в канун первой годовщины государственного переворота, массовым тиражом была издана почтовая открытка с портретами двенадцати главных вождей РСФСР — этакий парадный иконостас: Ленин в центре, одиннадцать апостолов вокруг**.

Вот кем впоследствии оказались ленинские приспешники.

Свердлов — подписал постановление о красном терроре, то есть о массовом истреблении всех неугодных. Убит (не исключено, что по приказу своих ближайших соратников).

Троцкий — изгнан из Политбюро и ЦК ВКП(б), исключен из партии, выдворен из страны и лишен гражданства, обвинен в организации убийств, терроризме, шпионаже, пособничестве фашистам, вредительстве. Смертельно ранен агентом НКВД.

* Первое издание книги на русском языке вышло в свет в 1986 году в издательстве ОРИ (Париж) под названием «Рассказы освободителя». — *Прим. ред.*

** См. изображение открытки на странице 1 вклейки 1, размещенной между страницами 80 и 81. — *Прим. ред.*

Зиновьев — как следует из приговора советского суда, самого справедливого суда в мире, «организовал террористический центр для совершения убийств руководителей коммунистической партии и правительства СССР, подготовил и осуществил злодейское убийство Кирова». Ясно, что враг такого калибра был осужден и расстрелян.

Каменев — вместе с Зиновьевым «организовал террористический центр для совершения убийств вождей пролетариата». Осужден и расстрелян.

Рыков — обвинен в измене Родине, шпионаже, совершении диверсий, терроризме и вредительстве. Осужден и расстрелян.

Бухарин. На судебном процессе Генеральный прокурор СССР охарактеризовал его так: «Шпион и убийца, орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как разmozжить ей голову разбойничьим кастетом». Осужден и расстрелян.

Радек, как следует из приговора, «вступал в сношения с иностранными государствами в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, систематически занимался шпионажем и вредительством». Получил тюремный срок и был убит уголовниками в тюрьме (по приказу из Кремля).

Крыленко — обвинен во вредительстве и терроризме, осужден и расстрелян.

Покровский — умер своей смертью, однако впоследствии выяснилось, что «школа Покровского»* была «базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных антиленинских исторических концепций».

Луначарский — умер своей смертью до начала Очищения, иначе был бы причислен к той же шайке злодеев, шпионов, террористов и вредителей.

Коллонтай — до самой смерти в 1945 году оставалась на дипломатической работе. Скептически относилась к семье, полагая, что женщины должны служить интересам класса, а не обособлен-

* Это понятие впервые и сразу в негативном контексте появилось в официальном сообщении «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)» 27 января 1936 г., где осуждались «ошибочные исторические взгляды, свойственные так называемой “исторической школе Покровского”». В связи с такой постановкой вопроса были уничтожены не только ученики Покровского, но и те историки, которые активно критиковали Покровского при его жизни. — *Прим. ред.*

ной ячейке общества. «Судебная и психиатрическая медицина давно знает этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток» — писал о Коллонтай в своем дневнике Иван Бунин*.

Все они — Зиновьев и Каменев, Троцкий и Рыков, Радек и Бухарин, — на поверку оказались мразью, гнусными предателями, подлыми вредителями. Они залили страну реками крови, истребив миллионы своих сограждан. Это удалось им только потому, что они вознеслись на вершины ничем не ограниченной власти.

Кто же их вывел туда?

Сами пролезли. Под руководством Ленина.

Ленинских приспешников, всю так называемую «ленинскую гвардию» пришлось уничтожить: кому пулю в затылок, кого головой о бетонный пол, кому ледорубом по черепу.

«Зловонная куча человеческих отбросов» — так самый справедливый в мире советский суд охарактеризовал ближайших соратников вождя революции.

Кем же в таком случае был Ленин? Получается, что он был центром и вершиной зловонной кучи. На процессах над врагами народа было неопровержимо доказано, что большинство тех, кто делал революцию вместе с Лениным, были агентами иностранных разведок. Выходит, Ленин был главарем этой гнусной шайки, шпионским резидентом.

Три десятка лет с врагами народа боролся товарищ Сталин. Он истребил несметные толпы вредителей и шпионов. Но чем больше врагов уничтожал Сталин, тем больше их становилось. Да и сам Сталин оказался кровавым тираном. Он был убит своими верными учениками и соратниками. Коммунистическая партия Советского Союза на своих исторических съездах развенчала культ личности Сталина. По решению лучших представителей коммунистической партии, собравшихся в Кремле на съезд, тысячи памятников Сталину, гранитных и мраморных, бронзовых и чугунных, железобетонных и гипсовых, были разбиты, раздроблены, переплавлены, его портреты порезаны, его сочинения сожжены, а его труп вынесен из мавзолея.

* Дневниковые записи, которые Бунин делал в Москве и Одессе с 1918 по 1920 год и в которых он выражал крайнее неприятие большевиков и их вождей, изданы в виде книги «Окаянные дни». — *Прим. ред.*

После убийства Сталина вдруг выяснилось, что ближайший друг и соратник «гения всех времен и народов», Маршал Советского Союза Берия Лаврентий Павлович, главарь всех истребителей врагов, сам оказался врагом. Берию и всю его шайку пришлось расстрелять.

Кстати, предшественники Берии на посту верховного борца с врагами тоже все оказались врагами. Их пришлось изводить целыми поколениями: дзержинцев и менжинцев — руками Ягоды, «ягодинское отродье» (это не ругательство, а официальный юридический термин) — руками Ежова, ежовцев — руками Берии.

О том, насколько органы борьбы с врагами народа были заражены шпионажем и вредительством, говорит такая статистика. В 1935 году в НКВД были введены специальные звания. Для высших руководителей НКВД были установлены звания комиссаров Государственной безопасности 3-го, 2-го и 1-го ранга, для самого главного — звание Генерального комиссара Государственной безопасности. Звания комиссаров ГБ, от 3-го ранга до Генерального включительно, в тот момент получил 41 высший руководитель НКВД. Из них:

- один бежал в Манчжурию и позже был убит японцами,
- один был убит боевыми товарищами в кабинете старшего начальника,
- один сошел с ума и умер в сумасшедшем доме тюремного типа,
- трое покончили жизнь самоубийством (Мазо, Погребинский, Каруцкий),
- 35 человек расстреляны по обвинению в шпионаже, организации заговоров и террористической деятельности.

Врагов надо ликвидировать. С этим не поспоришь. Проблема в том, что и те, кто врагов ликвидировал, вновь и вновь на поверку оказались врагами родной коммунистической партии и советского народа, проходимцами, развратниками, примазавшимися карьеристами, беспринципными интриганами, волонтаристами, о которых даже стыдно вспоминать.

Сотни миллионов людей во времена Ленина и Троцкого, Сталина и Берии, Маленкова и Хрущёва считали, что служат сво-

ей Родине, своему народу. Вы ошибались, дорогие товарищи. Вы служили врагам народа, вы служили мерзким ничтожным людишкам, предателям и шпионам. Вы выполняли явно преступные приказы врагов Отечества.

А потом наступила другая эпоха. Проходимцев и карьеристов разогнали, и на вершину власти поднялся великий политик, блистательный полководец, выдающийся борец за мир товарищ Брежнев Леонид Ильич.

Все любили Брежнева, и я любил.

Все кричали «ура», и я кричал.

Потом, почувствовав неладное, сбежал.

Теперь выясняется, что это было правильное решение. Оказывается, Леонид Ильич действительно был политиком ленинского типа, то есть вершиной и центром кучи зловонных человеческих отбросов, главарем преступной шайки, которая погрязла в роскоши и коррупции, доведя страну до экономической катастрофы.

Некоторые удивляются моей проницательности: как же я смог понять, что Брежнев был проходимцем, во времена, когда все его так любили? Никакого секрета: я его вычислил.

И если ты, мой читатель, сейчас служишь новым вождям, то вот тебе мое предсказание: настанет время, и очень скоро, когда те, кому ты служишь, окажутся в длинном списке врагов нашего народа.

Не веришь? Тогда сам займись статистикой. Копни архивы области, в которой живешь, загляни в архивы своего родного города или деревни, полка, в котором служишь, завода или колхоза, где работаешь, и увидишь, что все, кто правил, с ленинских времен, оказались врагами. Это следует из протоколов их собраний и съездов, из газеты «Правда».

Кстати, «Правду» во все времена издавали враги народа. В каждой роте и батарее была ленинская комната, а в ней — огромный портрет Ленина: прищуришь лукавые глазенки, вождь читает «Правду».

Уже за одно это вождя можно было бы к стенке ставить, ибо он читал антисоветчину: в то время «Правду» возглавлял и редактировал отпетый вражина Бухарин, позже разоблаченный и расстрелянный. Ленин проявил полное отсутствие революционной

бдительности и политическую близорукость, читая и нахваливая то, что ему подбрасывали враги.

Я был комсомольцем. Любопытства ради я собрал сведения обо всех руководителях Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи и понял, что эта организация всегда находилась в руках врагов. Рывкин и Щацкин, Смородин и Чаплин, Мильчаков и Косарев, Шелепин и Тяжельников — все в конечном итоге оказывались иностранными агентами, авантюристами, карьеристами и проходимцами.

Я пошел в армию и с ужасом обнаружил, что ее создал злейший враг пролетариата Лев Троцкий.

Я вступил в партию и ради все того же интереса собрал сведения обо всех, кто носил титул члена Политбюро. Оказалось, что в этой грязной шайке уровень самоубийств выше, чем в любой другой социальной группе на нашей планете.

Куда бы меня ни бросала судьба, я постоянно попадал в организации врагов и вредителей. Я обнаружил, что все, кто стоял над нами, с ленинских времен в конечном итоге непременно оказываются врагами. Чтобы не выполнять их преступных приказов и не наносить вред своему народу, я и бежал от врагов.

О своей жизни, о своей стране и ее армии я написал несколько книг и продолжаю писать. Эта книга — самая первая. Ее опубликовали на английском языке в 1981 году. Затем она выходила в свет на многих языках мира, даже на японском. Эта книга давно проникла за железный занавес и вернулась туда, откуда я бежал. Ее издавали на польском языке в подпольных типографиях не покорившейся коммунистам Польши, ее читают в Венгрии и Чехословакии. Теперь, наконец, в Париже книга выходит и на русском языке. Этого момента я ждал много лет. Книгу писал прежде всего для своих соотечественников, которые все еще находятся под властью врагов, не подозревая об этом.

Свято верю, что наступит день, когда наш народ сбросит врагов и освободится от их власти. Режим проходимцев и вредителей когда-нибудь неизбежно рухнет.

К этому делу я тоже приложил руку.

Виктор Суворов
Лондон, 13 сентября 1986 года

Губа

*Контрольно-пропускной пункт Киевского высшего общевоинского
командного дважды Краснознамённого училища имени Фрунзе*

25 марта 1966 года

1

— Служивый!
— Ну?
— Хвост гну! Вставай.

Закрываясь рукой от слепящего солнца, стараюсь оттянуть момент пробуждения.

— Я ночь в наряде стоял, мне сон по уставу положен — четыре часа.

— Хрен тебе в карман положен. Вставай, говорю. Арестовали нас всех.

Сообщение об аресте не произвело на меня решительно никакого впечатления. Я лишь отчетливо осознал, что добрых полтора часа как компенсация за бессонную ночь для меня безвозвратно потеряны. Сел на твердой кушетке. Потер лоб и глаза кулаком. Голова раскалывалась от недосыпа.

Зевнул, потянулся до хруста в суставах, вздохнул глубоко, чтобы окончательно рассеять сон, и, вертя головой, чтобы размять шею, поинтересовался:

— Сколько дали?

— Тебе пять.

— Повезло тебе, Витя. Нам с Сашком по десять суток припаяли, а Толяну, сержанту, все пятнадцать.

— Хреновая у нашего брата сержанта в училище жизнь: получаешь на пятерку больше, а сношают на четвертной.

— А автомат-то мой где? — хватился я.

— Да все уж в роте: и автоматы, и подсумки, и штыки. Сейчас старшина принесет вещевые и продовольственные аттестаты, в баньку, на стрижку и вперед!

В основной комнате контрольно-пропускного пункта срочно снятые с занятий первокурсники принимали документацию, пересчитывая папки с инструкциями. Их сержант деловито и сочувственно слушал нашего, участливо кивая головой.

— Глаз с него не спускал, команду проорал насколько глотки хватило, и ворота мои соколики открыли борзо, и глазами его пожирали аки львы рыкающие. Так на ж тебе, ни за хвост собачий пятнадцать всадил, а соколам по десятке. Ну, ладно, Коля, служи!

Наши ребята из караула зашли за нами и под конвоем повели на стрижку и в холодную баню.

2

В «приемном покое» Киевской гарнизонной гауптвахты чистота ослепительная. Вызывали по списку, в котором я оказался первым.

— Товарищ младший лейтенант, курсант Суворов для отбытия наказания на гарнизонную гауптвахту прибыл!

— Сколько?

— Пять суток ареста!

— За что?

«Тьфу ты, черт! — мелькнуло в голове. — И в самом деле, за что же это меня?»

Младший лейтенант с необычно широким лицом и удивительно маленькими ногами нетерпеливо буравит меня свинцовыми глазами.

— За что? — повторил он.

— Не могу знать!

— А кто арестовал?

— Не могу знать!

— У меня узнаешь, — ласково пообещал младший лейтенант. — Следующий!

Вошел мой сержант.

— Товарищ младший лейтенант, сержант Макеев* для отбытия...

— Сколько? — оборвал мордастый.

— Пятнадцать суток ареста!

— Кто дал?

— Первый заместитель командующего Киевским военным округом генерал-полковник Чиж!

— За что?

— Мы охраняли контрольно-пропускной пункт училища.

— А, — понимающе улыбнулся младший лейтенант. Он-то знал, да и все три армии округа знали манеру генерал-полковника Чижа арестовывать наряды контрольно-пропускных пунктов. Злые языки утверждали, что он арестовывал только наряды КПП, но арестовывал всегда, при любом посещении любого училища, батальона, полка, дивизии, любого полигона, стрельбища, склада — чего угодно; везде, где генерал-полковник Чиж проезжал контрольно-пропускной пункт, он непременно арестовывал весь наряд. И сроки давал стандартные: начальнику смены — пятнадцать суток ареста, бодрствующей смене — по десятке, спящим — по пятерке. Продолжалось это долгие годы. Все три армии и многочисленные отдельные части, подразделения, военные учреждения и организации подозревали, что заместитель командующего добивается для себя какой-то не предусмотренной Уставом церемонии встречи, но чего ему хочется, никто догадаться так и не сумел за все годы его пребывания на этом высоком посту.

На пороге приемного покоя появились два совершенно звероподобных ефрейтора, и прием начался.

— 10 секунд... Раздевайсь!

Сапоги, ремни, шапки, шинели — все мгновенно полетело на пол. И вот мы в чем мать родила встали перед мордастым.

* Чтобы не навредить своим товарищам, в предыдущих изданиях этой книги я изменял место и время действия, менял имена и фамилии. Сейчас можно назвать настоящие имена. Сержант Макеев — мой добрый приятель Толя Магальяс, старший сержант, заместитель командира 2-го взвода 4-й роты. После выпуска наши пути разошлись. Мы оба попали в Прикарпатский военный округ, но в разные дивизии. Затем встретились в Военно-дипломатической академии Советской Армии, о существовании которой никогда открыто не сообщалось. Он завершил службу генерал-майором ГРУ. — *Прим. автора.*

— Кру-гом! Наклонись! Раздвинь! — младший лейтенант Советской Армии исследует наши задницы. На губе курить нельзя, злостные курильщики иной раз, завернув обломочек сигареты в бумажку, надеялись пронести его на губу в заднице. Хитрость эта давно известна губному руководству и пресекается немедленно и беспощадно.

Звероподобные ефрейторы завершили тем временем краткий, но предельно тщательный осмотр нашей одежды и обуви, брошенной на пол.

— 15 секунд... Одевайсь!

Если тебя арестовали не в городе, а в части или в училище, и ты проходишь стандартную подготовку к отбыванию наказания — получаешь продовольственный и вещевого аттестаты, идешь на стрижку и в баню, — найди пять минут, чтобы сменить свои сапоги на большие. Любой, зная, что тебя ждет, отдаст свои. Взяв твои меньшие, он будет страдать, может, не меньше тебя, терпеливо дожидаясь твоего возвращения. Но большие сапоги — спасение на губе. Если ты с трудом натягиваешь сапоги, то не поспеть тебе в те секунды: одевайсь! Раздевайсь! И пять суток ареста могут превратиться в десять, а то и в пятнадцать. Это явление обычное и именуется оно «дополнительный паек», или ДП для краткости.

— Документы на стол!

— Ефрейтор, примите ремни!

На губе все живут без ремней, чтоб не удавились. Правда, в истории Киевской губы был один очень изобретательный узник, который в одиночной камере, где не было ничего, кроме привинченной к полу табуретки, оторвав нижний прошитый рубчик гимнастерки, смастерил себе короткую и тонкую, но очень прочную веревочку. Все это он делал очень осторожно, под почти постоянным наблюдением выводных, которые круглосуточно патрулируют в коридоре. После этого он сделал маленькую петельку, конец которой привязал к ножке табуретки. Минут десять он катался по полу, закручивая петлю. А все ж таки удавился!

— Деньги, часы?

Нет, мы такое на губу не берем, все равно отберут, а потом чужие, поломанные выдадут. Жаловаться некуда.

— Ефрейтор Алексеев*!

— Я!

— Первым делом всех этих служивых на дровишки.

— Есть, товарищ младший лейтенант!

По необычно чистому заасфальтированному двору нас провели в небольшой хозяйственный дворик, окруженный очень высокой кирпичной стеной.

Первое, что сразило меня, — ослепительный порядок. Все дрова, уже напиленные, были сложены настолько аккуратно, что их торцы образовывали почти идеально ровную стенку. Каждое поленец отрезалось точно по эталону — 28 сантиметров, и отклонение в 3–4 миллиметра считалось браком, который жестоко пресекался. Все эти поленья через день все равно пойдут в печку, и такая точность их нарезки никому не нужна, но порядок есть порядок.

Те дрова, что нам предстояло с такой же точностью порезать и сложить, были привезены день-два тому назад, но и они не были свалены в кучу, но сложены с неопишуемой любовью и даже, я бы сказал, искусством. Прежде всего, они были рассортированы по толщине: самые толстые — внизу, на них — все более и более тонкие, а на самом верху поленницы — самые тоненькие. Но те, кто поленницу складывал, обладали, видимо, тонким художественным вкусом. Они учли и цвет поленьев: те, что справа, были самыми темными, дальше, по мере перехода влево, располагались все более и более светлые. Нам предстояло это произведение искусства развалить, все дрова нарубить и нарезать по эталонам и вновь уложить.

Тут же, во дворе, лежала совершенно немыслимой формы коряга, похожая на все что угодно, кроме дерева. Это было фантастическое переплетение канатов или шлангов, или чего-то еще очень гибкого. Сучья были переплетены настолько затейливо,

* Имена тех, кого щадить было незачем, я не менял. Первым заместителем командующего войсками Киевского военного округа действительно был генерал-полковник Чиж Владимир Филиппович, тот самый, который в 1954 году в Тоцких лагерях командовал 128-м стрелковым корпусом на учениях с реальным применением ядерного оружия (подробнее об этом читайте в книге «Против всех» (М: Добрая книга, 2013)); начальником киевской гарнизонной гауптвахты в описываемый период был капитан Мартянов, его заместителем был младший лейтенант Киричек, самым свирепым из постоянного состава был ефрейтор Алексеев. Не я один запомнил этих славных блюстителей порядка на всю жизнь. — *Прим. автора.*

что с трудом верилось в способность природы создать такое чудо. При всей сложности переплетения сучьев, живо напоминающих клубок змей, коряга сохраняла предельно высокую твердость и прочность всех своих элементов. Она лежала во дворе, видать, не одно десятилетие, о чем свидетельствовали тысячи старых и совсем свежих надрезов пилой.

Каждый, кто проявлял строптивость, не до конца осознав, куда он попал, получал задачу нарезать дровишек, то есть распилить корягу. Вдобавок ко всему задачу эту ставили только одному человеку, никогда двоим сразу; и этот один получал для работы длинную, гибкую, но предельно тупую пилу, которой могут работать только два человека, но не один. Через час кто-нибудь из руководства губы приходил проверить, как идут дела, удивлялся, что еще ничего не сделано, после чего следовало наказание.

Когда мы вошли во двор, какой-то чернявый солдатик тщетно пытался сделать на поверхности коряги хотя бы один надрез. Его забрали минут через двадцать как не желающего работать.

В зависимости от настроения руководства действия неудачливого лесопильщика могли быть квалифицированы любым образом — от нежелания работать и пререкания с руководством (если он попытается доказать, что напилить дров такой тупой пилой невозможно) до категорического отказа выполнять приказы командования и даже попытки подрыва экономики страны. После этого начальник гауптвахты или его заместители могут сотворить с несчастным все, что им придет в голову.

А коряге этой выпала долгая жизнь. Я уверен, что она и сейчас лежит на том же самом месте, и какой-то несчастный тщетно пытается ее распилить. Закусил он губу, на глаза слезы навернулись, лицо перекошено. А время истекает...

Начав пилить дрова по эталону 28 сантиметров, мы узнали еще об одном очень интересном правиле. Мы-то хотели все напилить, наколоть, разложить поленья по толщине и по цветам, а уж потом подмести все опилки.

— Не-е-ет, так дело не пойдет! У нас так не принято! Порядок должен быть всегда!

Так и пошло. Отпилишь одно поленце — собери опилки, руками. Отпилишь второе — снова все собери. Ни веников, ни метелок нам не давали.

А к уникальной коряге конвой тем временем все водил и водил строптивых по одному: а напил-ка, брат, дровишек!

Часам к семи двор зашумел. Прибывали машины с губарями, которые весь день на морозе работали на бесчисленных объектах: кто на танкоремонтном заводе ленты гусеничные таскал, кто эшелоны со снарядами разгружал. Замерзших, мокрых, голодных, смертельно уставших, всех их по прибытии немедленно ставили в строй, ибо после работы положены занятия — три часа без перерывов. В общий строй поставили и нас; именно с этого момента и начинается для губаря отсчет времени, весь рабочий день до этого момента — лишь разминка.

Киевская губа знает только два вида занятий — строевую подготовку и тактику. Я не говорю здесь о политической подготовке оттого, что она не каждый день, а лишь два раза в неделю по два часа, и не вечером, а утром, перед работой, но о ней рассказ впереди. А пока строевая и тактика.

Полтора часа строевой — занятие совершенно изнурительное. Примерно сотня губарей в колонну по одному по кругу не идет, а именно рубит строевым шагом, задирая ногу на невыносимую высоту. Во дворе, кроме губарей, никого — ни начальников, ни конвоя, — но двор содрогается от их мощного топота.

Изредка кто-нибудь из штатных звероподобных ефрейторов выглянет на крылечко:

— Эй ты, ушастый! Да не ты, вот ты! Фильм «Обыкновенный фашизм» видал? То-то. А вот что-то у тебя, голубь, не получается так ходить, как люди-то в фильме строевым выбивали! Ну-кась потренируйся пока на месте.

Ушастый должен выйти в центр двора и топтать на месте так, чтобы колени поднимались чуть ли не к груди. После такого распоряжения все, кто продолжает отбивать шаг по периметру внутреннего двора, рвение удваивают. Дело в том, что в центре двора асфальт несколько ниже, чем по краям, — это личная инициатива маршала Гречко в ту пору, когда он еще был генералом, командующим Киевским округом. Идея проста и гениальна: во время дождя и таяния снега посреди двора губы всегда образуется большая глубокая лужа. В летнее время, когда нет дождей, воды туда добавляют под предлогом поливания двора. Тот, кто оказался в центре двора, должен маршировать прямо в луже. Если там со-

бирается человек пять, то они не только сами по уши вымокнут, но и брызгами порядночно намочат всех остальных, марширующих вокруг. Сушиться на губе негде, и топят ее только днем, когда губари на работе; к вечеру, когда они возвращаются в камеры, печки (а батареей там нет) давно уже холодные. «Гречкин бассейн» я испытал на собственной шкуре в марте, когда днем снег таял, а по ночам скрипели морозы.

Строевая подготовка проводится каждый день без выходных при любой погоде и при любой температуре, как, впрочем, и все другие «мероприятия». Полтора часа строевой подготовки при нашем стандартном темпе 60 шагов в минуту — это 5400 шагов, и каждый из них с максимальным подъемом ноги и невыносимым оттягиванием носка, ибо в центр-то двора никому неохота. За это строевая подготовка и именуется «индивидуальным зачетом». А за ним следует «коллективный зачет» — тактика.

Тактика в отличие от строевой подготовки базируется не на личном страхе каждого, а на социалистическом соревновании коллективов, и оттого она выматывает куда больше, чем строевая.

Занятия по тактике сводятся к отработке одного тактического навыка — переползания по-пластунски, то есть так, чтобы и голова, и все тело были максимально прижаты к грунту, в нашем случае — к асфальту. Руки и ноги должны двигаться проворно, а все тело — извиваться, как тело ящерицы.

Итак, переползание. Каждая камера сейчас — стрелковое отделение.

— Ориентир — береза! Отделение, к ориентиру по-пластунски... вперед!

Секундомер выключается, когда к ориентиру приползет последний из отделения, и если время отделения окажется неудовлетворительным, то последнему ночью камера устроит битие, ибо в социалистическом мире битие определяет сознание.

— Ну что ж, время неплохое, — чумазые, мокрые от пота, задышающиеся губари, высунув языки, улыбаются, — но придется отделению время не засчитать: вот этот красавец задницу слишком оттопыривал, всё на карачках ползти пытался.

Что ж, красавцу ночью битие обеспечено — за то, что подвел коллектив камеры в социалистическом соревновании.

— Ну-кась, отделение, еще разок попробуем. На исходный ру-

беж бегом... арш! Ориентир — береза! Отделение, по-пластунски к ориентиру... Вперед!

— А вот на этот раз время хуже! Что ж, потренируемся.

В конце занятий начальник губы или его заместитель подводят итоги, худшей камере объявляют сперва фамилию того, из-за кого она сейчас примет испытание, затем следует команда:

— Ориентир — дуб...

Дуб — это значит надо ползти прямо через центр плаца, прямо по ледяной воде, прямо через водную преграду, изобретенную генеральным полководцем Гречко. Горазд был на выдумки товарищ Гречко!

3

Солдат Советской Армии кормят хуже, чем любых других солдат в нормальных странах, и в первый день на губе, после того, как целый день голодным он провел на морозе, после немислимых нагрузок даже привыкший ко всему солдат не может все-таки побороть в себе отвращения к тому, что на губе принято называть ужином.

В первый вечер он не может прикоснуться к тому, что называется пищей. Он еще не готов смириться с тем, что есть надо не из отдельной, пусть даже собачьей, миски, а из общей кастрюли, куда налито месиво, отдаленно напоминающее суп или кислые щи. И пока в нем борются голод и чувство отвращения, следует короткая команда: «Встать! Выходи строиться!» После короткого гнусного мероприятия под названием «ужин» следует вечерняя поверка.

Под потолком коридора в морозной дымке тускло мерцают желтоватые лампы. Губа построена. Губа не шелохнется. Вечерняя поверка! Губа ждет команду! И после беглой переключки команда следует!

— Десять секунд... Раздевайсь!

И откуда только в этот момент берется прыть у до смерти уставших людей? Это удивительно, но сотне человек вполне хватает десяти секунд для того, чтобы полностью раздеться догола. Правда, каждый губарь долго и тщательно готовится к этой ко-

манде. Еще во время ужина он тайком расстегнул по одной пуговице на рукавах, чтобы по команде на каждом рукаве пришлось расстегнуть не по две, а лишь по одной пуговице. Все пуговицы на вороте гимнастерки лишь кажутся застегнутыми, а на самом деле краешек каждой пуговицы уже утоплен немного в петельку: лишь дернул за ворот, а все пять пуговиц сразу и расстегнулись. Великое дело — опыт! Каждый солдат знает десяток таких хитростей.

— Первая шеренга, три шага вперед, шагом марш! Вторая шеренга, кру-гом!

Обе шеренги уперлись лицом к противоположным стенкам коридора. Голые. По бетонному полу ветер гонит редкие снежинки.

— Наклонись! Раздвинь!

И пока борзые ефрейторы, почти как на советской таможне, роятся в брошенных на пол гимнастерках, брюках и грязных портянках, капитан Мартьянов, начальник гауптвахты, или его заместитель младший лейтенант Киричек проводят священный ритуал осмотра наших задниц. Операция ответственная: а вдруг кто на работе гвоздь подобрал, в заднице его пронес, а ночью кровушку себе пустит на нарах? Днем-то конвойный за ним все время смотрит, а ночью хоть камеры и освещены слепящим светом, но до беды недалеко. Или кто окурочек в задницу заначил да ночью и закурит потихоньку!

Операция эта требует особой сноровки; видать, поэтому ефрейторов к ней не допускают, пусть в грязном белье роятся, а тут только офицер Советской Армии может справиться!

— 15 секунд... Одевайсь!

Губу разводят по камерам, и начинается оправка.

4

Губа — не тюрьма. Тут параша не положена.

Разница между тюрьмой и губой огромная. Тюремщики имеют много времени для воздействия на заключенного. Руководство же губы во времени ограничено, поэтому оно, естественно, стремится максимально насытить программу пребывания солдата на губе и потому использует любые или даже все без исключения естественные человеческие потребности в воспитательных целях.

Для максимального усиления воспитательного воздействия отправление естественных надобностей на губе превращено в ритуал, который проводится под зорким надзором руководства.

После развода губарей по камерам конвой и постоянный состав губы, иногда включая самого начальника, занимают свои посты, и ритуал начинается. Гремя замками, в камеру входят ефрейтор и двое конвойных. Губари построились и подравнялись, как на параде. Ефрейтор нехотя тычет в грудь первому грязным пальцем:

— Пошел!

Губарь, сорвавшись с места, несется по коридорам и лестницам. Конвой на всех углах и поворотах подбадривает его:

— Быстрее!

— Быстрее!

— Быстрее!

Губаря уговаривать не надо: он-то знает, что в любой момент за недостаточную скорость его могут вернуть обратно, иногда остановив у самой заветной двери.

— Видать, не очень тебе, голубь, туда хочется, а ну кругом в камеру!

Навстречу тебе уже несется по лестницам следующий, только пятки сверкают. Закончив с одной камерой, ефрейтор с конвоем запирают дверь и отправляются в следующую камеру. Часто ефрейтор может «забыть» отправить в туалет одного-двух в камере, а иногда и пропустить всю камеру. Жаловаться, однако, некому, ибо все происходит без нарушения советских законов.

Категорически утверждаю: на советских гауптвахтах не нарушается ни одна норма закона. Взять хотя бы оправку.

Самая демократическая в мире советская конституция гарантирует всем гражданам право на труд, например. Где, как не на губе, ты можешь всласть упиваться этим правом?

Или, допустим, право на образование. Хочешь или не хочешь, а три часа в день отдай строевой и тактической подготовке да плюс к тому два раза в неделю политическая подготовка. Это ли не образование?

Или, к примеру, право на отдых. Везут тебя каждый день на работу или с работы, вот и спи-отдыхай, или ночью на нарах отдыхай до самого подъема, аж до 5:30, если, конечно, тебя не за-

гребли ночью для реализации твоего конституционного права на труд.

Но вот об отправлении естественных надобностей ни в Конституции, ни в любых других советских законах, уставах, приказах, инструкциях и руководящих документах абсолютно ничего не сказано. Так и не требуй ничего сверх положенного! Или ты против наших советских порядков?

— Конвой, ко мне!

5

Наконец, после оправки следует то, о чем губарь мечтает весь день с первого мгновения пробуждения — отбой!

Вновь гремит замок, вновь в камере появляется ефрейтор с конвоем. Камера построена, и старший по камере докладывает всемогущему ефрейтору о готовности «отбиться».

Следует еле слышная команда, только слабое шевеление губами — понимай как знаешь. Но камера понимает. Сзади за нашими спинами, примерно в метре, — край деревянных нар. По команде, которую мы воспринимаем скорее зрением, чем слухом, все десять человек, стоявшие спиной к нарам, совершают умопомрачительный трюк: прыжок назад на нары. Ни сгруппироваться, ни взмахнуть руками нет ни времени, ни места: все стояли в строю, тесно прижатые друг к другу. Из этого положения и совершается прыжок назад, в неизвестность. Хрен же его знает, обо что предстоит стукнуться головой: о край деревянных нар при недолете, о кирпичную стенку при перелете или о ребра, локти и черепа сокамерников при точном прыжке. А самое неприятное то, что совершенно нет времени развернуться лицом к голым доскам, а посему совершенно невозможно смягчить удар, который в этом случае всегда внезапен.

Слышится треск голов и сдавленный писк, но каждый застывает в позе, в которой коснулся нар. Жуткая боль в плече и совершенно невыносимая — в колене. Головой не врезался — и то хорошо. Глухая тишина вдруг разрывается грохотом падающих на доски тел: это соседнюю камеру тренируют, видать, ефрейтору не очень их отбой понравился. А пронесет ли нас сегодня?

— Подъем.

Команда подается предельно тихим голосом, и вся камера из горизонтального положения оказывается в вертикальном. И мгновения не прошло — все стоят подтянутые, заправленные, выровненные, готовы выполнить любое задание коммунистической партии и советского правительства! Видать, подняли нас вон из-за того жирного солдата в летной форме. Из штабных писарей, видать, падла поднебесная, мы тебя ночью сами потренируем! Будешь знать, как команды выполнять!

— Отбой.

Вновь слышится грохот падающих на нары тел и сдавленные стоны. Вновь вся камера цепенеет в положении, в котором десять тел коснулись нар. Ах, досада! Жирный писарь не долетел! Прыжок у него был мощным, но тело слишком жирное для солдата. Он здорово ударился боком о края нар и застыл в такой позе. Руки по швам, туловище на нарах, а ноги полностью свисают. На лице — ужас и страдание. Ну, ты у нас, боров, пострадаешь ночью! Для тебя все еще впереди!

Между тем ноги толстого писаря понемногу опускаются вниз, неумолимо приближаясь к бетонному полу. Солдат собирает весь остаток сил для того, чтобы, не шевельнувшись резко, попытаться перенести центр тяжести тела на нары. Ефрейтор терпеливо дожидается исхода этого балансирования. Вся кровь приливает к лицу толстого, он вытягивает шею и весь корпус, стараясь незаметно подтянуть ноги. Несколько мгновений кажется, что его вытянутое, как линейка, тело перевесит чуть согнутые ноги, но в следующий момент ноги вновь начинают уходить вниз и, наконец, край подошвы мягко касается пола.

— Подъем... Что ж ты, братец, спать-то не хочешь? Тебе командуют отбой, все, как люди, ложатся, а тебя, служивый, на сон не тянет. Приходится из-за тебя людей тренировать. Ну что ж, пойдём, я тебя повеселю... отбой.

Команда подается тихо и внезапно в расчете на то, что мы потеряли бдительность. Но мы эти штучки наперед знаем. Нас тут не проведешь. Мощный прыжок девяти человек, грохот и оцепенение. Лязгает замок, и я мгновенно засыпаю, прислонившись щекой к доскам, отполированным телами тысяч моих предшественников.

6

На губе нет снов. Только глубокий провал, только полное отключение всего организма. Всю ночь в камерах горит спящий свет. Нары голые. Между досками просветы по три пальца. Холодно. Укрываться приходится только своей шинелью, ее же разрешается положить под голову и под бока. Шинель мокрая. И ноги мокрые. Голод не чувствуется — это ведь только первый день прошел.

Губа — не тюрьма. В тюрьме люди сидят в камерах значительно дольше, притерлись друг к другу, и поэтому там складывается какой ни есть, а коллектив. Во-вторых, в тюрьме содержатся люди, которые хотя бы однажды восстали против закона, против общества, против режима. На губе — запуганные солдаты вперемешку с курсантами. А курсачи — это люди, которые добровольно готовятся стать самой бесправной частью общества — советскими офицерами. С ними можно делать все что угодно. Все, кто сидел на губе и с кем мне удалось потом обсудить то, что я там видел, уверены, что режим на любой из тысяч советских гауптвахт может быть значительно усилен без всякого риска организованного сопротивления со стороны губарей, особенно в крупных городах, где курсанты составляют большинство.

7

Проснулся я среди ночи, но не от холода и не от жуткой вони девяти грязных тел, впрессованных в тесную камеру, которую не проветривают годами. Нет, проснулся я от нестерпимого желания посетить туалет. Это от холода такое бывает. Полкамеры уже не спит. Подпрыгивают, пританцовывают. Самые закоренелые оптимисты тихо, шепотом, через глазок упрашивают выводных смиловаться и отвести их в туалет. Выводные, однако, неумолимы, ибо знают, что их ждет за излишнюю мягкость.

На губе нет параш, ибо тут не тюрьма, а воинское учреждение. И посещает это учреждение высокое начальство. Чтоб означенное начальство не вырвало случаем от вони, параша не используются. Теоретически предполагается, что выводной (на то ведь и название придумано) должен иногда ночью губарей в туалет по одному

выводить. Эта мера, однако, может начисто подорвать все воспитательное воздействие такого важного мероприятия, как оправка. Оттого-то и пресекаются попытки либеральных выводных (а это те же курсанты, ежесуточно сменяемые) откликаться на мольбы из общих камер.

Камеры подследственных, подсудимых и осужденных — другое дело. Сидящих в них выводят по первой просьбе. С одиночными камерами хуже. Но и оттуда иногда ночью выводят. Наверное, потому, что там психи сидят, которые на все готовы. А вот к общим камерам совсем другое отношение. Из них ночью никогда не выводят, ибо конвой знает, что арестанты, боясь общей ответственности, никому не позволят оправляться в камере. Убежден, что песня

*Вы-вод-ной,
Отведи в сортир,
Родной!*

рождена не тюрьмой, а гауптвахтой. Неважно какой, Киевской или Ленинградской, Берлинской, Читинской или Улан-Баторской, важно то, что песня эта старая и популярна во всей Советской Армии.

Между тем тяжелый засов лягнул, что могло означать или непонятную милость конвоя или его гнев по поводу настойчивых просьб. Все, кто мгновение назад приплясывал в камере, как коты бесшумно запрыгнули на нары и притаились, прикидываясь спящими. В камеру, однако, просто втокнули толстого писаря, который почти всю ночь чистил сортиры после оправки, и дверь вновь захлопнулась.

Толстый писарь совершенно измучен, в его красных от недосыпа глазах слезы, и его толстые щеки трясутся. Он, кряхтя, забрался на нары и, коснувшись грязной щекой жесткой доски, мгновенно отключился.

Камера тем временем вновь ожила. Я вместе со всеми затанцевал от нетерпения.

— Падла штабная, выссался в сортире, а теперь дрыхнет.

— Сука жирная, службы никогда не видал, и тут лучше всех устроился.

Всем, кто уже проснулся, спать хотелось даже больше, чем жить, ведь только сон может сохранить остаток сил. Но только один из нас спал сейчас. Оттого ненависть к нему вскипела у всех

одновременно и мгновенно. Высокий солдат-автомобилист снимает свою шинель, накрывает голову мгновенно уснувшего человека. Все мы бросаемся к нему. Я вскакиваю на нары и бью ногой в живот, как по футбольному мячу. Лишенный возможности кричать, он лишь скулит. На шум возни к двери нашей камеры медленно приближаются шаги выводного. Его равнодушный глаз созерцает происходящее, и шаги так же медленно удаляются. Выводной — свой брат-курсант; наверное, сам не раз сидел. Он нас понимает и в этом вопросе полностью с нами солидарен. Он и сам бы не прочь войти в камеру да приложиться разок-другой, только вот не положено это, чтобы конвой руки распускал! Пресекается это.

Сейчас, наверное, часов пять утра. До подъема минут тридцать осталось. Самое тяжелое время. Ой, не выдержу! Кажется, все камеры уже проснулись. Наверное, сейчас во всех камерах бьют тех, кто оказался худшим на тактике или на работе, на вечерней поверке или отбое.

Первое утро на губе, как ждали мы тебя! Так поэты ждут восхода солнца. Только у нас нетерпения больше, чем у поэтов.

Никогда в жизни я не бегал так быстро, как во время первой утренней оправки. Несутся мимо меня стены, полы и лестницы, лица выводных и конвойных. И только одна мысль в голове: «Успеть бы!» Ничто не может меня отвлечь от этой мысли, даже чье-то совсем знакомое лицо и малиновые мотострелковые погоны, которые пронеслись мне навстречу. И только вернувшись в камеру и отдышавшись немного, соображаю, что видел в коридоре такого же губаря, как и я сам. Он бежал с оправки. Этот курсант — один из тех первогодков, которые сменили нас на КПП после нашего ареста, а это может означать только одно: Владимир Филиппович Чиж, генерал-полковник и заместитель командующего округом, въезжая в училище, арестовал нас, а через час, выезжая из училища, арестовал тех, кто нас сменил.

Суров был генерал-полковник. Жаль только, что, кроме того, как ему лично отдают почести, он больше никакими вопросами не интересовался.

Какое оружие нам нужно

1

Я люблю оружие. Однажды я открою маленький музей. Первым моим экспонатом будет американский джип «Виллис». Это настоящее чудо техники. Разработанный в самом начале Второй мировой войны, он с честью прошел всю войну как верный и стойкий солдат. Его сбрасывали на парашютах, купали в соленой морской воде, он тонул в горячих песках ливийских пустынь и в болотах тропических островов Тихого океана. Он служил в горах Норвегии и Кавказа, в Альпах и Арденнах. Он дошел до Неаполя и Рима, до Варшавы, Праги, Парижа и Берлина. Никакой другой автомобиль не прошел столько военных дорог — вся Вторая мировая, Корея, Вьетнам, Синайский полуостров, Африка, Южная Америка, Индонезия, Индия, Пакистан. Какое только оружие не устанавливали на джипе! Безоткатные орудия, противотанковые ружья и ракеты, пулеметы... Джип служил разведчиком, десантником, диверсантом, связистом, санитаром, поваром, ремонтником. Он был добрым доктором и свирепым военным полицейским. На нем развезжали офицеры и солдаты, на нем доставляли в тыл раненых и пленных, на нем генералы принимали парады, на нем увозили к месту казни приговоренных к смерти дезертиров.

За все то время, когда джип находился на военной службе, на вооружение армий мира было принято бесчисленное множество танков, орудий, самолетов и ракет. Все это оружие было сложным, дорогим, грозным и устрашающим, а джип был простеньким, се-

реньким (скорее — серо-зеленым) и неприметным. Но все то столь мощное оружие приходило и уходило, а джип оставался в строю. Джип много раз собирались снять с вооружения, но заменить его было нечем: в пустыне он был надежнее верблюда, на широких просторах — быстрее леопарда, в Арктике — выносливее белого медведя.

Другим экспонатом моего музея будет автомат Калашникова. Не тот, с которым я вошел в Чехословакию в 1968 году, и не тот, из которого в Камбодже «красные кхмеры» убивали врачей. Это будет один из тысяч тех стволов, которые американская морская пехота захватила во Вьетнаме. Во время вьетнамской войны некоторые американские солдаты, не доверяя своей капризной автоматической винтовке М-16, предпочитали использовать трофейные калашы. Это был рискованный ход. Кто будет снабжать патронами? Эту задачу каждому, решившему взять в руки калаш, приходилось решать самостоятельно. Несмотря на это, американские солдаты на такой ход решались. Они знали: жизнь одна, а калаш в бою не подведет.

В чем секрет автомата Калашникова? Секрет в том, что он прост и надежен, как старый товарищ. На войне это самое главное.

В моем музее будут собраны образцы оружия из самых разных стран мира — Германии и Великобритании, Франции и Японии, но самое большое количество экспонатов будет из Советского Союза. С коммунистами я расхожусь во взглядах, но советское оружие люблю.

Советские конструкторы давным-давно, много десятков лет назад, поняли одну истину: на войне работает только то, что просто и надежно. Ибо простой механизм лучше того, который с выкрутасами. Ибо простой план лучше сложного. Ибо яловый сапог на войне лучше ботинка со шнурочками. Выбор оружия для грядущей войны подобен выбору жены.

Как мы выбираем себе жен? Можно найти утонченную и сложную натуру. Что будем иметь? Будем иметь проблемы.

Мой совет: юноши, выбирайте жену простую и надежную. И давайте расставим точки над «ё»: я не говорю, что жена, оружие или план военной операции должны быть примитивными — я говорю, что они должны быть простыми, а это не одно и то же. Найти простую и верную жену, разработать простой, но беспро-

игрышный план, создать простой и надежный автомат вовсе не легко. Это как книгу сочинить: заумными фразами вам любой профессор напишет, ума большого не надо, а вот чтобы все просто и ясно было — это сколько труда надо вложить, сколько времени истратить!

2

Однажды в Западной Германии американцы пригласили меня посетить военный городок, посмотреть, как живут американские солдаты, рассказать о Советской Армии. Побывал. Посмотрел. Убедился: живут хорошо. Рассказал о порядках в советских казармах, о квартирной проблеме советских офицеров. (Этому они, понятно, не поверили.) В заключение они с гордостью показали мне свою боевую машину пехоты «Бредли». Машина красивая, удобная, водить ее легко. И я ее хвалил. Особенно хвалил боевое отделение, в котором находятся места командира и наводчика. В том отделении неопишуемая красота. Чего же там только нет! Все светится и переливается разноцветными огонечками. Столько там рычажков, кнопочек, циферблатов и лампочек, что можно то боевое отделение использовать для съемок фантастического фильма про космические путешествия. Ни дать ни взять — «Аполлон-13», на котором астронавты на Луну летали.

Так я им и сказал. А они обиделись. И объяснили, что солдат у них — профессионал. Он способен в бою за всеми этими огонечками и стрелочками уследить.

У меня и на это ответ нашелся. Вот на улице стоит длинный-предлинный автомобиль, который владелец лично модернизировал, установив и на моторе, и на крыше дополнительные фары, напихав множество циферблатов на приборную доску. Ради чего? Только ради того, чтобы перед девками выпендриваться. Теперь посмотрим на приборную доску гоночной машины, на которой великий гонщик, рискуя жизнью, носится по улицам Монте-Карло ради серебряного кубка и многомиллионного вознаграждения. У него на приборной доске один только индикатор. Один! Который ему покажет, что топливо на исходе. А еще в той машине есть звуковой сигнал, который сообщит водителю, что двигатель

горит. Вся эта предельная простота достигнута только потому, что предназначена машина для профессионала высочайшего класса. Его работа — победить или погибнуть, вмазавшись в стенку. Все его внимание во время гонки сосредоточено не на приборах управления машиной, а на ситуации, которая мгновенно меняется на его пути и вокруг его машины. Ему некогда рассматривать показания множества приборов и датчиков.

Именно так конструктор советского танка или БМП стремится сократить до минимума количество приборов в боевом отделении. Некогда экипажу в бою на те распрекрасные цветные огоньки любоваться. Экипажу в этой машине на смерть идти! Ему в ней умирать. Все внимание командира и наводчика — не на разноцветную космическую красоту приборов, а на поле сражения.

3

Главными требованиями к советскому оружию были простота в производстве и обращении. Солдата легко обучить пользоваться таким оружием, его проще обслуживать и ремонтировать.

Все оружие мира можно разделить на три категории*:

- порнографическое,
- демократическое,
- человечное.

Что есть оружейное порно? Это германский танк «Тигр-Б», который иногда по ошибке называют «Королевским тигром». Численность вермахта во время войны доходила до десяти и даже одиннадцати миллионов солдат и офицеров. А этих танков было выпущено 489 штук. Всего. Был этот танк таким дорогим и сложным, что больше не получилось выпустить. Кроме того, на заключительном этапе войны не хватало квалифицированной рабочей силы, электроэнергии, производственных площадей, многих материалов.

И получилось так, что на двадцать тысяч солдат и офицеров

* Эту классификацию придумал не я. Нас так учили. Когда нам показывали трофейные образцы западного оружия, преподаватели неизменно относили каждое из них к одной из этих категорий. — *Прим. автора.*

вермахта приходился один такой танк. И пропаганда его расхваливала. И в кино его показывали. И газеты расписывали его выдающиеся качества. И после войны поклонники битых гитлеровцев восторгом исходили: да у него такая пушка! Да у него такая броня!

Правда, про его физическую немощь помалкивали. Про неспособность ходить по мостам — тоже. Из-за непомерного веса «Тигр-Б» имел неудовлетворительную проходимость, гусеницами ломал дороги, проваливался на мостах.

Немецкая пропаганда в военных журналах представляла этот танк настоящим чудо-оружием; таким его показывали и в кино обалдевшим тыловым бюргерам. Но спросим немецкого солдата: а ты его в бою видел? На этот вопрос он наверняка ответит отрицательно.

Что же получается? Получается порнуха: в глянцевом журнале видел, и в кино видел, но не более того.

К разряду военной порнухи я бы отнес и те образцы оружия, которые выпускают мелкими сериями. Для парада. Это канкан. На большой сцене. С музыкой. Признаюсь: поднимает настроение, и только.

Советские генералы военную порнуху недолюбливали. У нас было проще: можете, господа, что угодно говорить про наши танки, но это не порно. Можете считать, что они хуже западных, зато нашему солдату не надо красивые картинки показывать. У нас танки были настоящее, и их хватало на всех.

В страшном 1941 году и в еще более страшном 1942 году танковая промышленность Советского Союза была сорвана с мест постоянной дислокации и переброшена на Урал и дальше. Перед войной танки в Советском Союзе строили в Ленинграде и Харькове. В самые последние месяцы перед войной на производство танков перешел Сталинградский тракторный завод.

Во время войны Ленинград был блокирован. Не хватало топлива, электроэнергии, стали и всего прочего. Танковое производство пришлось резко сократить.

Харьков был захвачен немцами. В 1942 году немцы вышли к Сталинграду. Он не был потерян, но там творилось то, что производству танков не способствовало.

После нападения Германии в спешном порядке танковое производство было развернуто в Горьком, на Урале и за Уралом.

Сорванные с фундаментов станки ставили в цеха, над которыми еще не было крыш. Остальное известно: в ходе войны в Советском Союзе было построено 102 тысячи танков — в основном это были Т-34, Т-34-85 и самоходные орудия на их базе. Лучшие в мире. А еще КВ-1, КВ-85, ИС-1, ИС-2. Опять же лучшие в мире.

Вот это не порнуха.

4

Вторая категория боевой техники — оружие демократическое. Под этим термином понималось следующее. В демократических странах вопрос о том, принимать тот или иной образец на вооружение и в каких количествах его производить, в конечном итоге принимал парламент, конгресс или иной аналогичный орган.

Приезжает конгрессмен в черном лимузине на полигон, желает оружие сам лично посмотреть и опробовать. Ему показывают новейший американский танк М1 «Абрамс». Забирается слуга народа в отделение управления. Что для него важно? Важно, чтобы сидение было удобным. Важно, чтобы коробка передач была автоматической. Важно, чтобы кондиционер работал исправно. Покатался слуга народа, доволен остался, вернулся в Вашингтон, соответствующие бумаги подписал. И танк пошел в серию.

А то, что у танка удельное давление на грунт больше килограмма на каждый квадратный сантиметр опорной поверхности гусениц, слугу не особенно интересует. Он об этом и не задумывался. Он в этом и не понимает ничего. Ему до лампочки. Он не соображает, что танк с таким удельным давлением на вооружение принимать нельзя.

А какая пушка на нем? Слугу народа и этот вопрос не интересовал. И танки «Абрамс» до 1984 года клепали со 105-мм пушкой. Принимать на вооружение основной боевой танк со 105-мм пушкой в последней четверти XX века — преступление. Зато сидение у водителя удобное и коробка передач автоматическая.

Так дело обстояло и во время Второй мировой войны. Наклепала Америка танков даже больше, чем Советский Союз. Да только клепала их с 37-мм пушками. Потом на «Шерманах» у них ставили пушки калибра 76 мм, при этом танк имел высоту

2,74 метра! И карбюраторный двигатель! И удельное давление на грунт около килограмма на квадратный сантиметр.

Ни в одной нормальной стране такой танк просто не мог быть принят на вооружение.

5

Третья категория боевой техники (в частности, танков) — это оружие, созданное с заботой о человеке. Вы уже догадались, что я имею в виду советские танки.

Советские конструкторы танков всегда думали об экипаже. Это относится ко всем нашим конструкторам танков, будь то Герой Социалистического Труда четырежды лауреат Сталинской премии генерал-полковник Котин Жозеф Яковлевич, дважды Герой Социалистического Труда лауреат Ленинской и трех Сталинских премий генерал-майор Морозов Александр Александрович или трижды Герой Социалистического Труда лауреат Ленинской и пяти Сталинских премий генерал-лейтенант Духов Николай Леонидович.

Советские конструкторы не просто думали о человеке в танке. Они думали о том, что люди в этом танке пойдут на смерть. Конструкторы думали о самых важных, критических и, возможно, последних минутах и секундах в жизни танкиста.

Вот такая минута наступила: впереди замаячил силуэт вражеского танка. Сейчас вражеский танк врежет, и весь советский экипаж погибнет. Что важно для экипажа в этот критический момент? Удобные сидения? Чистый воздух кондиционера? Автоматическая коробка передач?

Нет, господа-товарищи! Нет и еще тысячу раз нет! В этот критический момент экипажу танка хотелось, чтобы их танк имел самый низкий в мире силуэт, дабы бронебойный снаряд прошелестел над башней, не задев. И Котин, Морозов, Духов, а также Карцев, Венедиктов и другие выдающиеся (если не сказать гениальные) конструкторы советских танков такой силуэт нашим экипажам обеспечивали.

А еще в этот критический момент советскому танковому экипажу хотелось бы побольше брони да под бóльшими углами: уж

если бронебойный и заденет, так чтоб отскочил. И наши конструкторы делали именно такие танки.

Наконец, экипажу в решающий момент боя хотелось бы иметь самую мощную в мире танковую пушку — не какую-нибудь, калибра 75 мм, как на «Пантере», а нечто более серьезное, как на Т-34-85. Не жалкие 88 мм, как на «Тигре», а 122 мм, как на ИС-2.

И в последней четверти XX века, когда на «Абрамсе» еще ставили пушку калибра 105 мм с ручным заряданием, советский танкист имел пушку калибра 125 мм с автоматом зарядания — то есть с вдвое более высокой скорострельностью.

Возразят: на американском танке с кондиционером да с удобными сидениями экипаж не так сильно устает. Согласен. Да только они с кондиционерами и чистым холодным воздухом в бою погибнут оттого, что пушечка слабенькая и скорострельность ее низкая. А наши — уставшие, грязные, потные и вонючие, но живые. Так у кого же бóльшая забота о человеке проявлена?

Тут я вынужден сделать отступление. Жуков бросил в Берлин, в уличные бои, две танковые армии. И они там банально сгорели. Не оттого, что танки плохие, а оттого, что Жуков был безграмотным солдафоном. Он не знал, для чего танки предназначены и как их нужно использовать. Мощные танковые группировки предназначены для стремительных бросков на огромные расстояния с тем, чтобы окружить и отрезать вражеские дивизии и корпуса, чтобы перерезать их линии снабжения. Их удел — выход на вражеские коммуникации в глубоком тылу: две германские танковые лавины прорываются на флангах советского Юго-Западного фронта и замыкают кольцо окружения. Или две советские танковые лавины прорываются на двух направлениях, уходят далеко вперед и замыкают кольцо окружения под Сталинградом. Вот работа для танка. А в городе ему делать нечего.

Прошло полвека, и некий столь же безграмотный, как и Жуков, полководец по кличке Пашка-мерседес бросил танки на улицы Грозного, где они горели точно так, как танки Жукова в Берлине.

И нам говорят: танки плохие.

Технологии постоянно совершенствуются, каждый год оружие становится все более и более сложным, однако этот факт не вступал в конфликт с общей философией советских конструкторов оружия. Они продолжали строго придерживаться железного, нерушимого принципа простоты. Даже если использование сложных инструментов, оборудования и технологий в процессе разработки нового образца вооружения или военной техники оказывается неизбежным, у конструкторов всегда есть выбор между несколькими различными техническими решениями. И советские конструкторы всегда выбирали простейшее из всех возможных.

Например, на танк можно поставить автоматическую коробку передач. Но советский конструктор, конечно, выберет коробку механическую.

Любой водитель, попробовав управлять американской боевой машиной с автоматической трансмиссией, безусловно, ее похвалит. Я сам проехался на «Бредли» и похвалил. Если представлять себе войну как приятное развлечение, то для такой войны лучше иметь технику с автоматической коробкой передач.

Но советские конструкторы считали, что грядущая война будет выглядеть иначе. Они справедливо предполагали, что, когда в результате ядерных ударов будут разрушены целые промышленные районы и нарушены коммуникации, массовое производство танков с автоматической трансмиссией станет невозможным. Невозможным станет ремонт и обслуживание танков с автоматической трансмиссией, произведенных до войны. Поэтому выбор может быть только один: проще, еще проще!

Да, водителю танка с механической коробкой передач нелегко. Да, он безумно устает. Но промышленности и всей стране будет легче: танки можно будет продолжать производить в огромных количествах на простом оборудовании в недостроенных цехах.

Простота советского оружия удивляет каждого. Но советским военачальникам и этого было мало. Потому помимо оружия, ко-

торое производилось «для себя», Советский Союз выпускал так называемые «обезьяньи варианты» — специальные, еще более упрощенные модификации боевой техники для экспорта в зарубежные страны и для поставок в армии стран Варшавского договора, которым Советский Союз не хотел раскрывать особо секретное оборудование и технологии.

Однако в случае войны эти до предела упрощенные модификации боевой техники планировалось выпускать и для себя.

Например, несмотря на то, что советский танк Т-62 был одной из самых простых боевых машин в мире, в процессе его разработки была спроектирована еще более простая модификация этого танка для производства в условиях войны. Такой танк не имел стабилизатора орудия, оснащался совсем простой аппаратурой связи и управления огнем, его орудие наводилось вручную. Советские генералы полагали, что в условиях военного времени лучше иметь такие танки, чем не иметь никаких.

Однажды я видел упрощенную версию БМП-1, брошенную в песках арабами. Самым важным ее отличием было отсутствие механизма заряжания. У нас нажимаешь на кнопку, барабан вращается, находит нужный тип боеприпаса для 73-мм орудия и подает его в ствол. В упрощенном варианте все это надо было делать вручную. В машинах, поступавших на вооружение Советской Армии, на внутренних стенках были закреплены панели из материала, который называли пеносвинцом. В ядерной войне такие панели должны были снизить воздействие радиации на экипаж и десант. Они также снижали разлет осколков внутри машины при попадании в нее снаряда. В упрощенном варианте БМП-1 ничего этого не было. Оптика, средства связи и все остальное внутреннее оборудование было более простым и дешевым.

Такие упрощенные экспортные варианты советской военной техники попадали в руки западных военных специалистов и они, естественно, получали превратное представление о реальных возможностях этих машин. А ведь это были пустышки, вроде копилки без денег.

Советский Союз поступал мудро, производя и накапливая первоклассное оружие в количествах, достаточных для первых нескольких недель войны, и одновременно выпуская его упрощенные варианты на экспорт. В мирное время промышленность

получала опыт производства обоих вариантов каждого образца оружия. Упрощенные варианты уходили на экспорт и поставлялись в братские страны под видом самых современных. В случае большой войны промышленность должна была переключиться на производство только экспортных версий, на этот раз уже для собственной армии.

Советские инженеры всегда искали самые простые технические решения не только в области военной техники. Вот пример из космонавтики. Известно, что если поместить шариковую ручку в невесомость, то она либо писать не будет, либо из нее вытечет вся паста и измажет интерьер космического корабля, ибо не действуют в невесомости те силы, которые действуют на Земле. Перед американскими конструкторами была поставлена задача создать ручку, которой можно было бы писать в космосе. Задача оказалась сложной. Но американцы народ деловой, предприимчивый, технически подкованный. Ручку создали. Стоила она дорого: средств истратили немерено, а нужно было этих ручек совсем немного, массовым производством всех затрат на разработку не окупишь.

Предприимчивые американцы своего не упустят. Затраченные средства надо вернуть. Но кому еще может понадобится ручка, пишущая в космосе? Только русским. Кроме них и американцев в те времена никто больше в космос не летал. Рассказывают, что тогда американцы обратились к русским с предложением купить эту уникальную технологию.

— А нам ручки в космосе не нужны, — ответили русские, — мы в космосе карандашами пишем.

С тех пор ручки, которыми можно писать в условиях невесомости, продаются в американском Национальном музее авиации и космонавтики. В качестве сувениров. Будете в Вашингтоне — купите на память. Вещь уникальная.